

Ирина В. Дмитриева (Минск)

Функциональные стили и жанры с позиций категорий общения

✦ Ключне речи:

функциональный стиль, текст, категории текста, имплицитная информация, субъектоцентричность, объектоцентричность, категории общения, репрезентативность, направленность, целенаправленность.

Понятия *функциональный стиль, жанр, текст* традиционно считаются в лингвистике соположимыми. Изучение текстов различной функционально-стилистической отнесенности имеет давнюю историю и ведется как по линии выявления общих принципов функционально-стилистического разделения, так и по линии выявления индивидуальных стилеобразующих черт, систематизации совокупности формальных и, в последнее

Рад представља покушaј категоријалне параметризације текста различите функционалностилске припадности. Текст се разматра као оруђе за интеракцију у одређеној предметној области. Предметне области и фазе делатности, у које су укључени научни и белетристички текстови, испољавају утицај у погледу типичних форми категорија комуникације. Њихови језички маркери су особености одређених семантичко-синтаксичких структура. Скуп формалних, семантичких и прагматичких параметара одражава субјектоцентричност белетристичких текста и объектоцентричност научних.

время, дискурсивных характеристик того или иного функционального стиля.

Лингвистическая стилистика предлагает многочисленные и разнообразные определения стиля, которые так или иначе восходят к определению академика В. В. Виноградова: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения

в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» (Виноградов 1955: 73).

Такой параметр, как функциональная обусловленность стиля, стал центральным в лингвостилистике, а с 80-х годов его содержание последовательно пополняется за счет использования работ в области лингвистики текста, лингвопрагматики, теории речевых актов, теории дискурса (в том числе и типологий разновидностей дискурса), когнитологии. Такое развитие теории позволяет перейти от поисков ответов на вопросы о том, что составляет специфические черты каждого из функциональных стилей, как строить тексты той или иной функционально-стилистической отнесенности, к существенному, хотя, вероятно, и самоочевидному, теоретическому вопросу – почему существуют различные функциональные стили.

Еще одно каноническое определение функционального стиля с достаточной степенью экспликации указывает на связь функционально-стилистических подразделений с различными сферами коммуникации: «Функциональный стиль – это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенационального языка, закрепленная за теми или иными ситуациями общения (типичными речевыми ситуациями) и характеризующаяся набором [...] средств выражения и скрытым за ним принципом отбора этих средств из общенационального языка» (Степанов 1985: 38). Перекликаясь с теоретическими принципами М. М. Бахтина, для которого коммуникативная ситуация, условия и цели соответствующей

области человеческой деятельности являются основополагающими для формирования характеристик речевого жанра, толкование вышеприведенного определения особо подчеркивает соотношение «со всеми сферами человеческой деятельности, что обеспечивает все основные типы общественной информации» (Степанов 1976: 50–51).

Параметр функциональной обусловленности, конкретизируемый и развиваемый посредством изучения типичных коммуникативных ситуаций, условий и целей языкового общения в соответствующих областях человеческой деятельности, через типы передаваемой информации неизбежно должен соотноситься с содержательной составляющей текстов того или иного функционального стиля, что отмечал еще Г. В. Колшанский, говоря о «типизированном содержании» функционального стиля (Колшанский 1975: 203–204).

Многочисленные частные исследования неоднократно подтверждали зависимость формы, плана выражения текстов различной функционально-стилистической отнесенности (т.е. тех самых «приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения», «средств выражения и скрытым за ним принципом отбора этих средств из общенационального языка») от содержательной заданности текстов того или иного функционального стиля. При чем диапазон влияния этой зависимости весьма широк, он охватывает предпочтительное использование единиц всех уровней языка, их организацию в речевых произведениях, от стилистически маркированных лексических и грамматических единиц, от преимущественно эксплицитного или имплицитного представления тех или иных семантических элементов и размещения центра эмпатии

до типичных конитивно-дискурсивных абстрактных моделей текстов определенной функционально-стилистической отнесенности (ср., напр.: «Текст представляет собой некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризующее своими дистинктивными признаками» (Гальперин 1981: 20)). Тем самым такие частные исследования формируют разностороннюю доказательную базу положения, которое кратко и емко было сформулировано Ю. А. Васильевым: «коммуникативная целеустановка и доминантный тип содержания вызывают определенный способ изложения» (Васильев 1978: 83). В свою очередь это позволяет утверждать, что традиционные группировки текстов по различным функциональным стилям основываются на их отнесенности к той или иной предметной области человеческого общения.

Столь же традиционной, как и выделение функциональных стилей, является жанровая дифференциация текстов. Чаще всего отношения понятий *стиль* и *жанр* трактуются как отношения включения, вследствие чего в рамках определенного стиля вычлняются характерные для него жанровые разновидности и складывается направленная классификационная сетка: функциональный стиль, составляющие его подстили, жанровые разновидности. Естественно, что выявление общестилевых и жанровоспецифичных характеристик текстов должно вестись по некоему набору признаков, параметров. Однако как минимум два обстоятельства не позволяют принять безоговорочно ни один из предлагаемых наборов. Во-первых, принципы дифференциации функцио-

нальных стилей оказываются отличными от принципов внутренней диверсификации текстов. Само по себе это вполне допустимо, но данное обстоятельство негативно усиливается другим – языковые характеристики в рамках жанра или функционального стиля взаимопроницаемы, а критерии их выделения весьма подвижны; выявляя параметры (в основном дескриптивного, номенклатурного типа) жанрово-стилистических группировок текстов, авторы подводят под них разнородные свойства текста. Кроме того, эти критерии, как правило, плохо соотносятся с предлагаемыми лингвистикой текста категориями текста, которые по самому понятию категории должны отражать типичные характеристики текстов.

Такое положение дел, динамика жанрово-стилевого варьирования, недостаточно четко ограничиваемая исключительно языковыми (номенклатурными) параметрами, позволяет предложить еще один возможный подход, который не вступает в противоречие с накопленным исследовательским материалом и может способствовать жанрово-стилевой диверсификации текстов на основании более однородных параметров категориальной природы.

Понятие категории и его логическое наполнение восходят к категориям Аристотеля и, прилагаясь к объектам лингвистики, в самом широком смысле соотносится с любым объединением «языковых элементов по их качественно однородным в отношении структуры и функционирования признакам» (Болдырев 1994: 4). Под категориями текста чаще всего понимаются его характерные особенности, «атрибуты», которые «отражают его наиболее общие и существенные признаки». К началу XXI века в списке текстовых категорий насчитывается уже

более полусотни, отражающих те или иные характерные черты текста.

Одна из первых в отечественной лингвистике таксономий текстовых категорий была предложена И. Р. Гальпериным, который в качестве ведущих параметров текста выделяет категорию информации/информативности, существующую в трех видах: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая; категорию модальности текста; такое свойство текста, как членимость, позволяет выделить категории ретроспекции/проспекции, континуума, переакцентуации и др. которые связаны с пространственно-временными отношениями; когезию как вид связи, обеспечивающий логическую последовательность, и др. При этом отмечается, что данные категории могут быть представлены в текстах различных функциональных стилей по-разному или не быть представлены вовсе (Гальперин 1981). Первое из замечаний можно оценить как признание существования форм текстовых категорий: например, *сообщение, описание, рассуждение, письмо, резолюция, договор* и др. понимаются как формы проявления категории информации. Универсальность предложенных категорий позволяет охарактеризовать текст как лингвистический объект, но даже последовательное и подробное изучение форм существования этих категорий не дает достаточных оснований для проведения функционально-стилистической классификации текстов.

По мере расширения арсенала лингвистических теорий, приложимых к выделению текстовых категорий, стали складываться прагматически-ориентированные таксономии. Одним из примеров может стать перечень прагматических характеристик текста О. Л. Каменской, которые вычлняются и группируются

в зависимости от того, воздействие на какой из аспектов личности адресата предполагает данный параметр: читабельность, информативность, новизна, эмоциогенность, способность производить эстетический эффект, ценность (Каменская 1987: 72–79). Этот набор категорий характеризует текст как инструмент воздействия. Однако, пожалуй, более продуктивным может стать приобращающее все большую популярность рассмотрение текста как инструмента взаимодействия.

Последовательно возрастающий интерес к коммуникативным и прагматическим характеристикам текстов стимулировал попытки приложить понятие категорий общения (Богушевич 1988) к функционально-стилистической и жанровой дифференциации текстов. Изначально категории общения были выделены как идентифицирующие параметры типов (классов) речевого общения, которые определяются характером и числом участников общения: это – (1) закрытое общение, когда число участников ограничено и вмешательство извне не предполагается, (2) открытое ограниченное общение, когда количество участников ограничено, но не ограничено число возможных наблюдателей-слушателей, и (3) неограниченное общение, в которое может включаться весь социум (Богушевич 1988). Считается, что именно эти классы создают условия уместности употребления всех единиц языка и формируют такие функционально-стилистические подразделения, как неофициальная речь в закрытом ограниченном общении, официальная речь в открытом ограниченном общении и публичная речь – в неограниченном общении. Каждый из классов общения характеризуется через формы категорий общения.

С отношениями участников общения, их речевым поведением связана категория *репрезентативности*, сущность которой состоит в том, от чьего имени коммуниканты участвуют в данном эпизоде общения. Ее формы: (1) прямая, когда участники общения представляют самих себя; (2) смещенная личная, когда хотя бы один из коммуникантов принимает участие в процессе общения, действует в нем по чьей-либо воле; (3) смещенная социальная, когда участники общения представляют какие-либо группы членов социума, организации.

Категорию *направленности* можно вывести из такой характеристики вербального общения, как наличие/отсутствие лидера. Выделяются две ее формы: (1) однонаправленное общение, когда предполагается речевая доминанция одного из участников, а речевая доминанция остальных либо отсутствует, либо сводится к подтверждению восприятия информации; (2) разнонаправленное общение, когда речевая доминанция какого-либо одного из участников отсутствует.

Категория *целенаправленности* является отражением следствия необходимости согласовывать при общении интересы участников и их действий. Она направлена на коррекцию самих действий и представлена тремя формами: алгоритмизирующей, корректирующей и мотивирующей (Богушевич 1988).

На представленные категории и их формы оказывает существенное влияние вид предметной деятельности и отношения между участниками общения (социально-ролевые, межличностные и др.). При этом значительным положительным свойством этой группы категорий является потенциально оппозитивный характер их форм, что повышает их эвристическую ценность.

Первая попытка приложить категории общения к интерпретации функционально-стилистических характеристик текстов была предпринята нами при исследовании того, какой тип семантико-синтаксической информации чаще всего содержится в имплицитном пласте художественных и научных текстов (Дмитриева 1990).

Были выявлены определенные языковые единицы, которые по своей грамматической семантико-синтаксической природе обладают способностью устранять из плана выражения часть или все номинативные элементы актантной рамки предиката. Особо значимым в их функционировании являются две характеристики: во-первых, это потенциальная, но не обязательная, способность к сокращению элементов актантной рамки предиката выражения и, следовательно, возможность для исследователя провести оценку степени реализации этой возможности в конкретных текстах той или иной функционально-стилистической отнесенности; во-вторых, то, что устранению подвергаются ожидаемые компоненты, а это, в свою очередь, создает условия к их восстановлению и лингвистической параметризации.

Таковыми структурами являются потенциально-предикативные единицы: неличные формы глагола, фразы и вторично-предикативные конструкции с ними, отглагольные имена существительные и прилагательные. В данном исследовании, так же как и в ряде других, выполненных и на материале других языков, такие образования рассматриваются как свернутые пропозиции, а любую сжатую, компрессированную структуру в результате трансформации можно восстановить до полной развернутой формы и, следовательно, оценить, какие именно

компоненты подверглись элиминации из поверхностного плана выражения. В этот же ряд были включены формы пассивного залога как грамматической формы, открывающей возможность к импликации субъекта.

68

Изучение этой проблемы требует двустороннего (от содержания к форме и от формы к содержанию) рассмотрения процесса структурирования текста. В этом случае имплицирование части информации может рассматриваться как функционально-обусловленная потребность в рациональном, т.е. только необходимом, отражении описываемой текстом предметной области. Компрессия элементов плана выражения в этом случае понимается как средство реализации такой потребности (механизмами ее осуществления являются номинализация, пассивизация, элиминация предиката, влекущие за собой изменения в именном окружении предиката), а обратимость компрессии позволяет использовать ее и как средство восстановления утраченных компонентов. Двустороннее рассмотрение позволяет учитывать, о каких единицах идет речь – о тех, которые подвергаются преобразованию (т.е. компрессируются, переводятся в имплицитный пласт текста) или о тех, которые являются результатом преобразования. При опоре на результат общей окажется формальная сторона, поскольку в единицу одного уровня могут быть преобразованы единицы различных уровней. При опоре на единицы, подвергающиеся компрессии, общими оказываются некоторые семантические характеристики единиц, которые специфичны для данного уровня.

Процедура «развертывания», дающая представление о том, какие элементы сохранились в поверхностной структуре, а какие были переведены в импликацию,

происходит следующим образом. Потенциально-предикативные единицы преобразуются до исходной предикатной формы. Приняв в качестве исходного постулата принципы семантического синтаксиса (глагол-предикат предопределяет количество и семантические роли своего аргументного окружения), мы выстраиваем потенциально возможную пропозициональную структуру, нормализуя ее до синтаксически корректной активной предикатной структуры. Сопоставление исходной единицы с полученной нормализованной позволяет увидеть, какие позиции были ожидаемы во второй и какие из них остались незаполненными в первой (в предлагаемых трансформациях они помечаются аббревиатурами *smb* – для субъекта и *smth* – для объекта). На основании такого сопоставления вывелись «формулы» каждого конкретного употребления, например: [- S Pr +O], где «S» обозначает семантическую роль субъекта, «O» – семантическую роль объекта, «Pr» – предикат, знак «+» указывает на присутствие компонента в исходной единице анализа, знак «-» – на ее отсутствие, а «Xo» показывает, что предикат является безобъектным и отсутствие семантической роли объекта в поверхностной структуре не связано с действием компрессии и переводом объекта в импликацию. Например:

1. They are conscripts, newly drawn, and on their way to their service. → a) They are conscripts, *smb* has drawn them, ... → [- S Pr +O]; b) They are conscripts, newly drawn, and on their way to (the place) where they will serve. → [+S Pr Xo]
2. The news man arrived, *accompanied* by a photographer. → The news man arrived, *who was accompanied*

by a photographer. → The news man arrived, *he was accompanied by a photographer.* → The news man arrived, *a photographer accompanied him.* → [+S Pr +O]

3. The entity model as a diagram is simply a crude, though *valuable*, means of demonstrating ... → The entity model as a diagram is simply a crude means of demonstrating, though *smb values (this) means of demonstrating* ... → [- S Pr +O]

Свойства текста во многом определяются необходимостью оказывать некоторое воздействие на адресата. При реализации текста действует принцип прагматической достаточности, который требует, чтобы в эксплицитной форме было представлено только то, что полагается достаточным для достижения цели в определенных условиях коммуникации (Богушевич 1985: 53). Однако описываемая в тексте реальность, как правило, богаче и сложнее того минимума, который требуется согласно принципу достаточности. При порождении текста принимается решение (осознанное или неосознанное) о том, какая часть информации должна быть выражена прямо, а какая может остаться без эксплицитного языкового выражения. В процессе вербализации решается уже более формальная проблема – проблема отбора таких языковых единиц и структур, такого построения текста, при которой имплицитирование части означающих не мешало бы пониманию языковой формы и, следовательно, достижению цели общения, оказанию желаемого воздействия на адресата.

Было определено, что в текстах коротких рассказов информация о семантическом субъекте как правило представляется эксплицитно, в то время как

информация о семантическом объекте действия с достаточной регулярностью переводится в имплицитный пласт, сохраняясь в поверхностной структуре менее чем в половине случаев употребления структур, способных переводить в импликацию семантический объект. Тексты научных статей продемонстрировали прямо противоположную тенденцию: 81% употреблений структур, способных переводить в импликацию семантический субъект, реализовывали эту возможность, в то время как информация об объекте представлялась эксплицитно в 60% употреблений. Кроме того, художественные и научные тексты продемонстрировали разную частотность использования грамматически безобъектных предикатов: 25% от общего числа потенциально-предикатных структур в художественных текстах были образованы на базе безобъектных предикатов и 5% – в научных.

Полученные данные говорят о том, что сама языковая презентация отражает тот факт, что в фокусе внимания авторов научных статей находятся объекты (в широком смысле этого слова, ведь если бы материалом послужили, скажем, тексты по психологии или физиологии человека, то он был бы представлен как объект исследования), действия с ними и над ними, а в фокусе внимания авторов литературных произведений – субъекты (опять в семантическом смысле этого слова – ведь мы легко можем представить себе сказку или научно-фантастический рассказ, где действующими субъектами окажутся предметы неодушевленные).

Интерпретация этих лингвистических данных с применением категорий общения выявила следующие формы категорий, присущие текстам двух рассматриваемых функциональных стилей.

Категория *репрезентативности*¹. Научные тексты характеризуются ясным представлением об авторе и предмете изложения, даже если автор представляет наработки группы исследователей. Семантический субъект, как правило соотносящийся с автором, будучи раз эксплицитно и однозначно задан в начале текста научной журнальной статьи (автор статьи, предлагаемой теории, проведенного эксперимента и т.д.) или в самом тексте статьи (автор исходной теории, оспариваемых положений, эксперимента, приведенного для сопоставления, и т.д.) может быть устранен из последующего текста. Такое оформление плана выражения научного текста при сохранении возможности однозначной идентификации имплицитного субъекта маркирует прямую форму категории репрезентативности. При этом автор статьи, представляя наработки других исследователей, теоретические положения разной степени доказанности и общепризнанности, использует языковые структуры, способствующие объективации субъектно-авторского начала, несколько отстраняясь от выполненного им действия. Субъекты соответствующих пропозиций восстанавливаются благодаря тому, что весь текст принадлежит определенному автору и информация о нем является необходимым элементом структуры научного текста. Например, в предложении A *“mountain block”, as defined in Section 2, was formed using a combination of keyboard and digitiser output* (Milne 1981: 53) читателю понятно, что именно автор статьи определил *mountain block* в разделе 2, что он сформировал этот *mountain block* и это он использовал совмещение *keyboard and digitiser output*.

Однако прямая репрезентативность часто соседствует со смещенной формой этой категории. Например: *There are some attempts to provide “COBOL-like” languages such as DIBOL and SYBOL which is similar to the better known DATA point DATA SHARE.* (Healey 1981: 5). Имплицитные субъекты номинализированных предикатов *attempt* и *provide* предполагают кого-то из разработчиков языков ЭВМ, но для знающего специалиста они могут идентифицироваться вполне конкретно, специалист может быть в курсе того, кто или какая лаборатория, фирма занимается разработкой языков программирования типа КОБОЛ, т.е. имеет возможность определить круг возможных исполнителей и, следовательно, устраненный субъект. Субъект потенциального предиката *known* как бы объединяет автора и читателя в класс специалистов, информированных о *DATA point DATA SHARE* в большей степени, чем о *DIBOL and SYBOL*. Такие употребления, причем весьма частотные, позволяют утверждать, что в научных текстах категория репрезентативности вариативна и может существовать в прямой или смещенной форме.

В художественном произведении повествование может вестись от первого лица, от автора, включать изображение других эпизодов общения, внутренние монологи персонажей и т.д. Это значит, что полифония художественных текстов, с одной стороны, требует возможно более эксплицитного предъявления субъекта каждой конкретной пропозиции, а с другой стороны, в случае использования структур, позволяющих переводить информацию о субъекте в имплицитный пласт, призвана обеспечивать воз-

1) Оценка форм категории репрезентативности в научных и художественных текстах, предлагаемая в данной статье, отличается от предложенной в (Дмитриева 1990).

можно более конкретную идентификацию субъекта при его де-импликации. Например, субъект инфинитива *bring* вполне однозначно восстанавливается за счет информации, представленной в самом предложении: *There had been a time when Father Dewes' predecessor made an attempt to bring Mr. and Mrs Ferraro into a closer relationship but [...]* (Green 1961: 437) – это *Father Dewes' predecessor*. Подобная простота и однозначность идентификации имплицированного субъекта свидетельствует о прямой форме категории репрезентации.

Вероятно, такое положение дел связано с тем, что художественные тексты представляют собой срез мира «вообще», что требует большей конкретизации описываемого участка мира для того, чтобы содержащаяся в нем информация была адекватно воспринята максимально широким кругом читателей. В научных текстах изначально четко ограничена описываемая предметная область; субъекты (и объекты) действия, раз эксплицитно заданные или полагаемые известными, в остальных случаях не требуют конкретизации до индивидуальной идентификации. Конкретизация до класса оказывается достаточной, т.к. научные тексты имеют не единичное, но групповое значение.

Категория *направленности*. Для характеристики совокупности текстов какого-либо функционального стиля эта категория должна быть модифицирована и уточнена – речь может идти о направленности текста в целом, а ее формы выделяться на основании наличия/отсутствия лидера-субъекта общения и/или лидера-предмета общения, а также того, что является доминантой данного типа текста – субъект или предмет общения. С точки зрения лидера-субъекта любой

письменный текст можно рассматривать как однонаправленное общение: от доминации лидера-автора к рецепции адресата-читателя. Более продуктивным представляется определение доминанты по предмету общения. С точки зрения предмета общения (то, «о чем») художественные тексты по самой своей сути направлены на субъект действия, при этом необходимо отметить их возможную разнонаправленность по линиям взаимодействия конкретных субъектов. Научные тексты направлены на отражение самих действий и их объектов и демонстрируют последовательную однонаправленность – на объект действия. Такая интерпретация вполне согласуется и с интерпретацией форм категории репрезентативности.

Совокупность формально языковых, содержательных и прагматических (формы категорий репрезентативности и направленности) характеристик позволяет признать за научными текстами статус объектоцентричных, а за художественными – субъектоцентричных.

Интересно, что схожие выводы были сделаны исследователями коммуникативных стратегий и тактик общественно-политического дискурса, предложившими дихотомию «предметно-ориентированное» / «субъектно-ориентированное» содержание, исходя из того, какой тип деятельности является доминантным: субъект-субъектный или субъект-предметный, т.е. тематически фокусированный (Ухванова-Шмыгова 2000: 199). Корреляция субъектоцентричности и субъектной ориентированности, с одной стороны, и объектоцентричности и предметной ориентированности, с другой, представляется весьма очевидной.

Категория *целенаправленности*. Формы этой категории оказываются связаны

не столько с преобладающим типом семантического компонента, переводимого в имплицитный пласт текста (субъект или объект), сколько с общей активностью в реализации возможностей языковых структур к переводу в импликацию тех или иных компонентов семантической структуры, с качественным составом имплицированных компонентов (что позволяет интерпретировать ее формы в соотношении с формами категории репрезентативности по степени однозначности, конкретности восстановления имплицированных компонентов), а также с тем, что составляет основные источники информации для восстановления компонентов, не представленных в плане выражения.

Поскольку первые два аспекта уже затрагивались в статье, остановимся более конкретно на последнем – источниках информации для восстановления. В самом общем виде их можно объединить в две группы: внутритекстовая информация и внетекстовая информация. И здесь исследуемые тексты продемонстрировали противоположные характеристики. Внутритекстовая информация коротких рассказов служила источником восстановления почти 70% имплицированных субъектов и более 80% имплицированных объектов, при этом в случае обращения к внетекстовой информации восстанавливаемые субъекты характеризовались максимальной степенью обобщенности. В научных статьях преобладающим источником восстановления явилась внетекстовая информация: 60% имплицированных субъектов и более 50% имплицированных объектов удавалось восстановить при обращении к фоновым знаниям (см. анализ предложения *There are some attempts to provide "COVOL-like" languages such as DIBOL and SYVOL which is*

similar to the better known DATA point DATA SHARE. (Healey 1981: 5), учитывая при этом, что фоновые знания исследователя-лингвиста по вопросам истории развития языков программирования принципиально беднее фоновых знаний адресата – специалиста в этой области).

Такие показатели представляются вполне ожидаемыми, а их интерпретация может быть вполне традиционной. Необходимость вскрыть все информационные связи максимально в рамках текста связана с ориентацией литературного произведения на широкий круг получателей информации с разным уровнем фоновых знаний, с трудностью (даже невозможностью) оценить объем фоновых знаний потенциального читателя, которые понадобились бы в противном случае для восприятия художественного текста (кстати, с этим нередко сталкиваются преподаватели литературы, когда имеют дело с недостаточно подготовленной студенческой аудиторией). Активное использование внетекстовой информации в научных журнальных статьях свидетельствует об уверенности автора в подготовленности получателя информации, о возможности (и вынужденности – «экономия места») представлять в рамках текста только основные необходимые сведения, соответствующие основной линии научной аргументации, коммуникативного развертывания. Кроме того, такие характеристики художественного и научного текста хорошо соотносятся с положением о диалогичности текстов вообще и научных текстов, в особенности, что определяется их непосредственной вплетенностью в общий процесс научной коммуникации.

С позиций категории целенаправленности различное положение научных и художественных текстов в коммуникатив-

ном процессе может быть оценено через разные формы этой категории. Коммуникативная самодостаточность, меньшая вовлеченность в процесс взаимодействия в областях предметной деятельности, направленность на психо-эмоциональную подструктуру личности читателя маркируют *мотивирующую* форму категории целенаправленности художественных текстов. Научные, напротив, тесно связаны с другими текстами данного типа и зависимы от них, соотносятся с этапами принятия решений в рамках той или иной предметной деятельности (решений, достаточно четко формулируемых в самих этих текстах, решений, связанных с применением «процедурного алгоритма» действий и/или воздействий на объекты), направлены на интеллектуальную подструктуру личности читателя – все это маркирует жесткую *алгоритмизирующую* форму категории целенаправленности.

Можно предположить, что третья форма – *корректирующая* – будет присуща текстам инструкций и рекомендаций, но доказательство этого требует отдельного изучения данного типа текстов.

Содержание данной категории также может быть развито для описания текстов различной функционально-стилистической отнесенности. Ее формы могут быть представлены как отражение разных этапов в общей системе деятельности. Художественный текст только закладывает потенциальные возможности регулирования всей остальной деятельности и, следовательно, существует на мотивирующем этапе. Научный текст, решающий задачи представления интеллектуально-исследовательской деятельности, передачи и распространения информации, которая считается объективной, соотносится с тем этапом, где принимаются решения, т.е. этапом алгоритмизации.

Эти выводы, полученные на основании изучения различий в сфере имплицитного пласта информации текстов, были позже подтверждены и уточнены детальным анализом эксплицитной информации, а именно того, какой элемент семантической структуры чаще оказывается в коммуникативно сильной и семантически престижной позиции синтаксического подлежащего в текстах этих же двух стилей (Сечейко 2003). Оказалось, что в художественных текстах – это семантический субъект, в научных – семантический инструмент. В исследовании также отмечается отсутствие существенных статистических различий между текстами двух стилей по линии семантического объекта. Это не противоречит сделанным выше выводам: субъектоцентричность художественных текстов требует сохранения за субъектом агентивной позиции, объектоцентричность научных требует сохранения за семантическим объектом его традиционной позиции; при этом операционный, алгоритмизирующий характер научных текстов позволяет устранять реального деятеля из плана выражения, выводя на первое место инструмент, при помощи которого субъект выполняет определенное действие над объектом.

Таким образом, можно было бы заключить, что содержательно-семантическая специфика текстов научного и художественного стилей, актуализируемая через использование определенных семантико-синтаксических структур, соотнесение этих текстов с различными этапами деятельности согласованно описывается посредством присущих этим стилям форм категорий общения.

Однако при сопоставительном исследовании текстов научного (экономические статьи) и публицистического типа

(газетные статьи) эта согласованность оказалась нарушена. Проанализированные семантико-синтаксические структуры были весьма однородны, использование структур, способных переводить в импликацию семантические элементы, и реализация этой возможности варьировались в пределах средней нормы для текстов обоих стилей, они не продемонстрировали существенных различий по линии представления информации о семантическом субъекте и семантическом объекте. С определенной степенью достоверности можно утверждать, что формы категорий общения также не способствовали проведению стилевой диверсификации. Так, категория репрезентативности была представлена всеми тремя формами, категория направленности (в ее модифицированном виде) характеризовала тексты как объектоцентричные, категория целенаправленности варьировала от алгоритмизирующей до корригирующей в экономических статьях и от корригирующей до мотивирующей в газетных статьях.

Можно говорить о близости жанровых характеристик (оба стиля были представлены статьями) или о специфике экономики, как предметной области, глубоко проникающей в повседневную

личную и общественную жизнь. Или об общих закономерностях развития функциональной стилистики как раздела лингвистики и динамики изменения ее объектов – текстов разной жанрово-стилистической отнесенности, вызывающей необходимость пересмотра как типологии функциональных стилей, так и входящих в них жанровых разновидностей (в их современном варианте, не ограничиваемых исходными жанрами художественной и научной литературы), что, впрочем, уже делается представителями когнитивно-дискурсивного направления. Тем не менее результаты исследований, изложенных выше, побуждают несколько изменить приложение форм категорий общения к оценке жанрово-стилевой отнесенности текста. По-видимому, все три категории могут использоваться для определения стилистической отнесенности текста; центральной при этом оказывается категория направленности, выявляющая доминанту – предмет общения: направленность на отражение субъекта (субъектоцентричность) или объекта (объектоцентричность) текста. Формы же категорий репрезентативности и целенаправленности (особенно в ее исходном значении) служат скорей жанровой диверсификации текстов.

summary

Functional styles, genres and categories of speech communication

Article presents an attempt to apply pragmatic categories of speech communication to diversification of texts representing various functional styles. The categories under discussion possess a clear-cut set of opposing forms: direct or shifted forms of the category of speech agent representation; single or multiple direction forms of the category of dominational direction; algorithm-like, corregating or motivating forms of the category

of stage goal inclination. It is argued that these forms are actually marked by definite semantic and syntactic properties of text elements, both implicit and explicit. It was proved that literary texts predominantly employ structures presenting the semantic subject explicitly, in case it is not verbalized – they provide enough textual information for its straightforward retrieval identification; they tend to curtail the information on the semantic object, either by making it implicit or by using uncomplementive predicate-verbs. The explicit semantic subject mainly preserve the position of a syntactic subject. The above marks the direct form of the category of representation, the single-dominational direction towards the subject and the motivating form of the goal inclination category, the latter also correlates with a motivating stage in regulating the process of human interaction. Scientific texts, on the contrary, tend to employ the structures making the semantic subject implicit (its “de-implication”, i.e. retrieval, can result in elements with variable scope of reference) and preserving the information on the object explicitly verbalized; they presuppose the wide use of readers’ background knowledge for identification of the semantic elements curtailed. The position of a syntactic subject is nearly as regularly occupied by the semantic instrument (the subject being curtailed) as by the semantic subject (when explicit), while the semantic object rarely shift its syntactic position. These features signal direct and/or shifted forms of agent representation, the single-dominational direction towards the object and the algorithm-like form of the goal inclination category, as scientific texts are associated with a stage in the process of human activities when people take decisions. A set of correlated formal, semantic and pragmatic characteristics mark literary texts as subject-centred and scientific – as object-centred.

Литература

- Богушевич 1985: **Богушевич, Д. Г.** Единица, функция, уровень: К проблеме классификации единиц языка. – Минск: Выш. школа. – 116 с.
- Богушевич 1988: **Богушевич, Д. Г.** Опыт классификации эпизодов вербального общения. – In: Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. тр. – Калинин: Калининск. гос.ун-т.– С. 13–21.
- Болдырев 1994: **Болдырев, Н. Н.** Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты: Монография. – СПб: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена.– 169 с.
- Васильев 1978: **Васильев, Ю. А.** О влиянии композиционно-смысловой организации научного текста на его языково-стилистические характеристики. – In: Стиль научной речи: Сб. науч. работ. – Москва: Наука. – С. 81–92.
- Виноградов 1955: **Виноградов, В. В.** Итоги обсуждения вопросов стилистики. – In: Вопросы языкознания. – Москва: Наука. – № 1. – С. 60–87.
- Гальперин 1981: **Гальперин, И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – Москва: Наука. – 138 с.
- Дмитриева 1990: **Дмитриева, И. В.** Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – Минск – 189 с.
- Каменская 1987: **Каменская, О. Л.** Прагматические свойства текста. – In: Язык как коммуникативная деятельность человека: Сб. науч. тр. Вып.284. – Москва: Мин-во

ИРИНА В. ДМИТРИЕВА

выш. и ср. спец. образ. СССР, мгпийа им. М.Тореза, ан СССР, Ин-т языкознания.
– С. 72–79.

Колшанский 1975: **Колшанский, Г. В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – Москва: Наука. – 279 с.

Сечейко 2003: **Сечейко, О. Г.** Соотношение денотативного и сигнификативного аспектов предложения в различных стилях английского языка (на материале текстов научной и художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук. – Минск. – 126 с.

Степанов 1976: **Степанов, Г. В.** Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. – Москва: Наука. – 207 с.

Степанов 1985: **Степанов, Ю. С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – Москва: Наука. – 335 с.

76

Ухванова-Шмыгова 2000: **Ухванова-Шмыгова, И. Ф.** Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории. – In: Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно политических текстов. Вып 2. – Минск: БГУ. – С. 198–201.

Green 1961: **Green, Graham.** Special Duties. – In: Modern English Short Stories. – Moscow: Foreign Languages Publishing House. – S. 437–442.

Healey 1981: **Healey, M.** The Possible Impact of Minicomputers and Microprocessors on Mainframe Computer Manufacturers – In: The Computer Journal. – Vol. 24. – No 1. – S. 3–8.

Milne 1981: **Milne, W. J.** A Framework for the Investigation of a Spatial Data Base. – In: The Computer Journal. – Vol. 24. – No 1. – S. 52–55.

 Стиль 2006